

УДК 372.3/4:316.75.32

ЛЕТНИЕ ТРУДОВЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ КАК АНКЛАВЫ СОВЕТСКОГО ИДЕАЛИЗМА¹

Д.В. Димке

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3
ddimke@eu.spb.ru

Анализируется одна из составляющих шестидесятнического педагогического проекта – особый тип летних лагерей для школьников, которые в комсомольских отчетах того времени принято было называть «летними трудовыми лагерями для старшеклассников». Такие лагеря под эгидой райкомов комсомола впервые были организованы в Ленинграде и Ленинградской области в 1959 г. и проводились вплоть до 1964 г. Эти лагеря стали своего рода анклавом, в которых воспроизводился шестидесятнический идеализм. Каким образом это происходило. Чем отличались летние трудовые лагеря от обычных пионерских лагерей, благодаря сочетанию каких условий воспроизводство идеализма стало возможно.

Ключевые слова: антропология советского детства, социология 1960-х, история «оттепели», советский идеализм, пионерские лагеря, воспитание, повседневность.

При изучении феномена «советское» важно разграничить советский проект и советское общество: Советский Союз был утопическим проектом, но не утопическим обществом. Однако именно несоответствие утопического проекта, лежащего в основе Советского государства, и его реализации создавало пространство, которое можно определить как «возможность утопии». В этом пространстве продолжал существовать «советский идеализм», который так или иначе сопутствовал советской истории: его носителями были и члены крестьянских коммун 1920-х гг., и поэты-ифлийцы, и участники строительства Братской ГЭС². Шестидесятые годы («оттепель») принято считать последним всплеском советского идеализма. Тем периодом в истории Советского Союза, в который часть его граждан по-прежнему верила в то, что советский утопический проект реализуем и что для этого следует исправить ошибки предшествующего периода советской истории (периода «культы личности»)». ³

Последствия этих «ошибок» шестидесятники обнаруживали почти во всех сферах жизни советского человека. В том числе в той, которая была связана с воспитанием и образованием, т.е., прежде всего, с работой школы и пионерской организации. Мы хотели бы коснуться одной из составляющих шестидесятнического педагогического проекта – особого типа летних лагерей для школьников, которые в комсомольских отчетах того времени принято было называть «летними трудовыми лагерями для старшеклассников». Такие лагеря под эгидой райкомов комсомола впервые были организованы в Ленинграде и Ленинградской области в 1959 г. и проводились вплоть до 1964 г. ⁴ Эти лагеря стали своего рода анклавом, в которых воспроизводился «оттепельный» идеализм. Каким образом это происходило? Что отличало летние трудовые лагеря от обычных пионерских лагерей? Благодаря сочетанию каких условий воспроизводство идеализма стало возможно? Этим кругом вопросов задано направление наших исследовательских поисков.

Прежде чем перейти непосредственно к интересующим нас вопросам, охарактеризуем те источники, на которые мы опирались в своем исследовании. Их можно разделить на три типа. Первый – биографические фокусированные интервью с участниками и организаторами летних трудовых лагерей ⁵. Всего было взято 26 интервью ⁶. Были проинтервьюированы как организаторы летних трудовых лагерей и те школьники, которые им помогали и участвовали в работе лагерей несколько лет подряд, так и те, кто попал в подобный лагерь только один раз. Второй тип источников – отчеты комсомольских собраний и методических конференций с 1959 до 1962 г. (27 архивных дел). Третий – личные архивы информантов: их дневники, письма, песенники и т.д. (30 единиц). Очевидно, что использованные нами источники имеют разный характер и относятся к разному времени. Однако именно разный характер источников создает ту перспективу, которая позволяет увидеть наши материалы в разных ракурсах, уточнить и реконструировать жизненный мир, в них отраженный: информация, почерпнутая из документов, рассматривается сквозь призму сегодняшних представлений информантов о прошлом, отраженных в интервью, и, наоборот, материалы интервью

обретают смысловую перспективу, будучи сопоставлены с документами.

Летние трудовые лагеря: краткая характеристика

Термином «пионерские лагеря» в СССР называли детские воспитательно-оздоровительные учреждения, которые, как правило, работали во время школьных каникул⁷. Первые пионерские лагеря появились в середине 20-х гг.: их появление знаменовало начало организации детского досуга в СССР.

Появление трудовых летних лагерей для старшеклассников стало возможным благодаря новому закону об образовании, принятому в 1958 г. «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Задача этих лагерей состояла в соединении «оздоровительных мероприятий с трудовой деятельностью школьников во время летних каникул» [Шановаленко, 1958]. Создание таких лагерей было одним из шагов (наряду с обязательной производственной практикой) на пути к приобщению школьников к общественно полезному труду⁸.

Первые упоминания комсомольско-молодежных летних лагерей, организованных при колхозах и совхозах Ленинградской области летом 1959 г., встречаются в архивных документах уже в 1960 г. «В связи с перестройкой школы, перестройкой всей пионерской работы, теснее стали связи пионерской организации с трудом. В нашей школе установилась традиция – каждое лето мы создаем в подшефном колхозе пионерско-комсомольский лагерь. В это лето в пионерско-комсомольском лагере было 30 человек, они заработали 695 трудодней и оказали большую помощь колхозу» [Стенограмма семинара... , 1960, с. 23], – рассказывает участница областного семинара секретарей партийных организаций школ, школ-интернатов, детских домов, педагогических училищ, делегированная волховской школой №6.

В 1962 г. один из участников Кировской районной конференции описывает создание летнего трудового лагеря: «Организовали комсомольский молодежный лагерь. Занимались вначале структурой организации – режима дня. Когда сами ребята занимаются, утверждают режим дня, то, конечно, было много недостатков, но как интересно было для молодежи. Было выдвинуто пожелание принимать комсомольцев на общем собрании лагеря. Ребятам очень понравилось. Правда, почему-то, все время нас посылали на прополку. Но все равно такая жизнь сплотила нас. И уже после лагеря мы не можем обходиться без друзей. Они ходят вместе в кино, в театр» [Стенографический отчет... , 1962, 60(57)]. Отметим в этом описании один любопытный момент, подчеркивание того факта, что жизнь в таком лагере сплотила школьников.

В 1963 г. эти лагеря снова упоминаются на городской комсомольской конференции⁹. Появляются и городские летние лагеря этого типа: «В этом году <...> были организованы трудовые лагеря. Ребята трудились на колхозных полях, занимались ремонтом школ, построили стадион <...> и провели ряд других работ. Здесь были и романтика и комсомольский огонек. Здесь ребята видели плоды своего труда и чувствовали необходимость своего труда. Это то, чего нам не хватает на заводах и в школах» [Стенограмма XVI... , 1963, 76(79)].

Летние трудовые лагеря отличались от обычных пионерских не только тем, что были созданы главным образом для комсомольцев. Эти лагеря создавались вожатыми-шефами¹¹ при довольно активном участии самих школьников, практически без всякого участия пионервожатых и учителей. Вожатые не обладали педагогическим опытом, райком не слишком досаждал им проверками, поэтому то, каким был каждый конкретный лагерь, полностью зависело от их желания и представления.

Именно этим вожатые-шефы отличались от студентов самых разных вузов, которые были вынуждены проходить педагогическую практику в школе или пионерском лагере. Обычно студенты попадали в сложившийся коллектив, и им приходилось подчиниться правилам коллектива, в котором уже были свои представления о том, как нужно обращаться с детьми и подростками, что можно и что нельзя.

Итак, каким образом и благодаря каким обстоятельствам именно в этих лагерях воспроизводились «оттепельные» ценности? В архивных документах и интервью можно выделить несколько особенностей. Во-первых, необходимость работать и отношение к своему труду, во-вторых, специфика бытовых условий (питание и гигиенические практики), в-третьих, особая атмосфера лагерей (говоря о которой, чаще всего упоминают вечерние костры и песни). В этом и состоит отличие летних трудовых лагерей от обычных пионерских, которые были важны для школьников.

Именно эти лейтмотивы интервью связаны с «идеалистическим» дискурсом. Причем если

лейтмотивы труда и особой атмосферы связаны с ним напрямую (информанты осознают, что специфика работы в летних трудовых лагерях повлияла на их юношеское мировоззрение), то лейтмотив «повседневности» – опосредованно. Информанты не эксплицируют и не объясняют связь между формированием идеализма и тяжелыми бытовыми условиями, однако неизменно упоминают о нем в контекстах, относящихся к повседневности. Попробуем показать, каким образом организация труда, бытовые условия и атмосфера летних трудовых лагерей способствовали тому, что именно в них воспроизводился «оттепельный» идеализм.

Отношение к работе: «миссия» vs «воспитательная мера»

Трудовые лагеря чаще всего организовывали за городом, при колхозе или совхозе. «Общественно-полезный труд», которым занимались школьники в таких лагерях, главным образом был связан с сельскохозяйственной работой, не требующей никакой квалификации, например, с прополкой, удобрением или сбором урожая. Обычно школьники работали на поле около четырех часов в день, остальное время занимал собственно «отдых».

Сельскохозяйственный труд, как и «полевой» быт, требовал от непривычных к нему городских школьников довольно больших физических усилий: «Я была девушка неспортивная, и мне всегда было очень трудно со всякими наклонами, подъемами. Через несколько дней у меня очень сильно заболели мышцы на ногах» (интервью №1, ж., прим. 1947 г.р.); «...потом коросты, потом ужасная эта работа, кошмарная — на карачках ползешь, все это щиплешь, руки болят. Но делали же, а главное ведь никто же не заставлял, можно было не ехать» (интервью №17, ж., прим. 1949 г.р.). При этом школьники были некоторым образом к этому труду готовы. Во-первых, они знали о нем заранее. Во-вторых, школьников в летние трудовые лагеря никто ехать не заставлял.

Летние трудовые лагеря можно разделить на два типа в зависимости от того, как их участники относились к необходимости сельскохозяйственного труда. Первый тип – лагеря, в которых труд был для старшеклассников неприятной необходимостью: «Мы пололи проклятый турнепс. Обидно было на это время тратить! Я бы предпочла днем дрыхнуть, а ночью веселиться и обсуждать судьбы родины. Как <...> сделать комсомол с человеческим лицом» (интервью №3, ж., 1948 г.р.). Они воспринимали свою сельскохозяйственную деятельность, главным образом, как пустую трату времени. Альтернативой этому неприятному времяпровождению они считали вечерние диспуты и пение у костра.

Для второго типа лагерей характерно восприятие школьниками своего труда как необходимой деревенским жителям помощи: «Казалось, что мы, вообще, делаем большое дело. Все было не так <...> как было в прошлой жизни. В нашей помощи нуждались» (интервью №7, ж., прим. 1948 г.р.). Поэтому труд, который действительно требовал от школьников определенных физических усилий и даже некоторого самопожертвования, воспринимался ими как человеческий долг, а не как неприятная необходимость.

Разница в отношении участников летних трудовых лагерей к сельскохозяйственному труду практически полностью совпадает с другим различием. А именно с отличием в способе расположения этих лагерей: школьные трудовые лагеря располагались либо рядом с деревней, либо вдали от нее. Два типа отношения к труду были, как мы сейчас попытаемся показать, связаны с тем, имели ли школьники непосредственный контакт с колхозниками или нет. В первом случае труд казался школьникам осмысленным и необходимым, во втором представлялся неприятной, но неизбежной обязанностью.

Трудовой летний лагерь, который проводился Кировской коммуной¹² под эгидой Кировского райкома комсомола, был расположен довольно далеко от деревни, школьники практически не контактировали с деревенскими жителями и не бывали в самой деревне. Лагерь жил своей собственной изолированной жизнью. Школьников отвозили на отведенные им поля, где они работали отдельно от колхозников, а затем они возвращались обратно в лагерь, где занимались своими собственными делами.

При такой организации лагеря школьники не видели ни деревни, ни ее жителей. «Деревенские жители» оставались для них довольно абстрактным понятием. Они никак не связывали свою работу с помощью им. Участники трудового лагеря считали, что их заставляют работать на полях только с воспитательной целью, как собирать металлолом, макулатуру и проходить трудовую практику на заводе.

Сельскохозяйственная же работа в таком случае воспринималась как своего рода «плата» за

самоуправление, возможность пения любимых песен вечером у костра и вожатых, которые были совсем не похожи на тех, что были в школе или в «обычном» лагере. То, что в лагере придется работать, входило в известные школьникам «правила игры»: «А то, что это был трудовой лагерь — это была игра вот по таким правилам. Компенсировалось это тем, что вожатые там играли на гитаре, что вечерами сидели у костра, никто тебя оттуда не прогонял» (интервью №5, ж., прим. 1946 г.р.). Понятно, что при восприятии труда как «платы» за некоторые вольности его старались по возможности избегать.

Лагерь, которые организовала Фрунзенская коммуна¹³, был расположен около деревни. Его участники бывали в деревне, работали на полях вместе с колхозниками и общались с деревенскими детьми. Тем или иным образом они были вовлечены в деревенскую жизнь. Благодаря этой вовлеченности и личному знакомству с деревенскими жителями их отношение к работе было отличным от описанного.

Во время этих поездок старшеклассники увидели, в каких условиях жили колхозники в начале 60-х гг. Наши информанты вспоминают об этом с ужасом: «Мы тогда приехали в Ефимию, увидели, как коров трактором на поля вывозили. Они были такие изможденные, истощенные, что их привязывали рогами к трактору и тащили на поле, чтобы они поели травы.¹⁴ <...> Мы же не думали, что такое сейчас существует! Мы жили все в коммуналках <...> но, тем не менее, то, что мы увидели в деревнях, даже в нашем понимании казалось нищетой» (интервью №18, ж., прим. 1945 г.р.).

Реалии колхозной жизни тех лет заставляли относиться к этой помощи как к действительно важному делу. Ф.Я. Шапиро в своем докладе на конференции объяснял: «И работали ребята не из-за азарта. Ребята были на ферме и видели, какие там стояли коровы» [Стенографический отчет РК ВЛКСМ..., 1968, с. 35].

Обратим внимание на слово «азарт». Словосочетание «комсомольский азарт» — один из самых заезженных штампов, характерных для официального дискурса «оттепели». Он встречается практически во всех просмотренных нами архивных документах конца 50-х — начала 60-х гг. Его также можно было услышать по радио, встретить в прессе, публицистике этого времени. В. Турбин, в работе, посвященной связи языка и тоталитарного строя [Турбин, 1991, с. 349–370], пишет о том, что характерное для тоталитаризма стремление к моноязычию проявляется, в частности, в том, что границы речевых жанров размываются. Такие разные жанры, как официальный доклад, песня, газетная статья или фельетон, становятся взаимопроницаемыми, плавно перетекают друг в друга. Лексика, которая используется в этих жанрах, унифицируется. В языке постепенно исчезают жанровые границы.

Говоря о том, что ребята работали «не только из азарта», Ф.Я. Шапиро не оставляет возможности объяснить мотивы деятельности своих питомцев официальной идеологической фразеологией. Лексический пласт, представленный словом «азарт», противопоставлен бытовой, неидеологизированной речи. Заметим, что язык Ф.Я. Шапиро вообще значительно отличается от языка практически всех выступающих на комсомольских конференциях того времени. Для него характерны почти полное отсутствие канцеляризмов и наличия «бытовой» лексики.

Таким образом, то, что ребята видели, заставляло их думать, что деревенские жители действительно нуждаются в их помощи, поэтому они были готовы работать сверх нормы и делать довольно тяжелую для городских школьников работу: «Первая трудовая деятельность — в колхозе: прополка и прореживание, пропололи десять гектаров, работали по шесть — десять часов. Работа однообразная и трудно ее увидеть. Почва там очень плохая глинистая, когда полешь — не видно, что выпалывать. Во время дождя можно ходить только в сапогах. <...> Но приходил бригадир колхоза и умолял поработать, говорил, что людей у них нет, одни только старики и старухи. <...> Мы иногда им предлагали заканчивать работу, но ребята не уходили. Иногда, если днем был дождь, а ночью светила луна, ребята шли работать и ночью. <...> Они понимали позицию гражданина» [Стенографический отчет РК ВЛКСМ..., 1968, с. 34-35]. Официальные идеологемы, пионерские и комсомольские призывы «оживали» для школьников, за ними оказывались люди, которым нужна была помощь и которым школьники могли помочь и помогали. Это вызывало у участников лагеря ощущение важности своей деятельности, которую они постепенно начинали воспринимать как «миссию».

Мы можем предположить, что именно понимание того, что их труд действительно нужен деревенским жителям, меняло отношение школьников к работе. Словосочетание «общественно по-

лезный труд» из пустой риторической формулы, обычно воспринимаемой с иронией, начинало обретать высокий смысл. Оказывалось, что труд – это вовсе не очередная бессмысленная воспитательная мера взрослых, а необходимая конкретным людям помощь. И если труд в рамках школы продолжал оцениваться как бессмысленный, то труд в лагере приобретал совершенно другие значения. Школьники начали верить в то, что их помощь действительно необходима стране, что и от них зависит ее судьба и что они и есть те самые «строители коммунизма», о которых говорилось везде. Именно тот опыт работы, который они получили в летнем трудовом лагере, давал возможность школьнику увидеть свою роль в будущем своей страны и поверить в нее. Летний трудовой лагерь становился тем пространством, в котором можно было поверить в возможность того пути развития, о котором говорили шестидесятники, – увидеть идеализм в действии и заразиться им.

Гигиена и питание: быт как испытание

Воспоминание, связанное с бытом, являющееся лейтмотивом всех интервью и дневников, касается личной гигиены. О личной гигиене и питании информанты вспоминают не просто как о повседневности. Эти воспоминания всегда эмоционально и идеологически окрашены. Еще любопытнее то, что они всегда приводятся в качестве иллюстрации к ситуации самого разного рода моральных дилемм. Попробуем понять, почему именно эти воспоминания занимают такое важное место во всех просмотренных нами источниках и как эта часть лагерной повседневности приобрела для участников летних трудовых лагерей едва ли не сакральный смысл, а также то, каким образом непривычные (и зачастую тяжелые) бытовые условия начинали работать как средство идеологической индоктринации.

Быт трудовых лагерей не отвечал привычному уровню комфорта, характерному для дачи или обычного пионерского лагеря того времени. «Я приезжала домой, и граница между рукой и ладонью была как короста. Потому что не мылись же совсем, просто не мылись. То есть мылись, но непонятно где и как. Я помню вот это ощущение вечной немытости и грязи» (интервью №17, ж., прим. 1949 г.р.).

Приведем отрывок из дневника, который вел один из школьников и который посвящен этой теме. «Вечером меня дернуло пойти с М.Щ. на речку – почистить зубы и умыться. Только начал чистить зубы, как вдруг в голову пришла мысль, что мне нельзя было оставлять отряд перед сном, если я – ДКО (дежурный командир отряда). И тут же на пригорке появились: М., Т., Д и стали хором и наперебой возмущаться моим поступком. Я сказал, что в конце концов каждый человек имеет право почистить зубы... <...> Но Т. ответила, что ничего подобного <...> и мне, мол, пора бы это уже знать. А вот имеет ли право ДКО чистить на речке свои драгоценные зубы, когда дан сигнал отбоя, а ребята никак не улягутся спать – это еще большой вопрос» [Казакина, 1967, с. 22].

Так как лагеря были трудовыми, то предполагалось, что школьники все будут делать сами¹⁵, в том числе готовить еду и мыть за собой посуду: «У нас же было полное самообслуживание, чего никогда не было в пионерских лагерях. Мы же сами в Вырице себе готовили. Представляете, наготовить на сто человек? В общем, серьезная история. Если отряд дежурил, то три раза в день нужно всех накормить, что, в общем, непросто. Ну вот, не говоря уже о том, что мы сами себя обслуживали, у нас не было ни одной уборщицы, никакого повара, ни одной посудомойки» (интервью №18, ж., прим. 1945 г.р.). Для большинства подростков это была совершенно новая деятельность: «...все это нужно было научиться делать самим, хотя многие не умели ни готовить, ни варить манную кашу. Это было очень трудно – на костре, самим, нам было всего пятнадцать лет» (интервью №19, ж., 1947 г.р.).

Сейчас многие информанты оценивают качество их еды в то время как очень низкое: «Мы же там варили сами себе какую-то еду безумную совершенно. Сейчас бы ее никто есть не стал. Вот. Тем более что и продукты-то были (машет рукой)! Если их достанешь, то это большое счастье» (интервью №3, ж., 1948 г.р.). Тогда же, после работы или долгих переходов из деревни в деревню самая простая еда казалась школьникам невероятно вкусной: «Наконец все улеглись вокруг костра. И тут началось чудо: три девчонки из "Кавказа"¹⁶ (их там же назначили дежурными по кухне) мазали сгущенкой черный хлеб, а мы его медленно, со вкусом, ели. Это была пища богов» [Фрунзенская коммуна, 1969, с. 61].

Часто отношение к еде становилось своего рода проверкой воспитания, которое школьники получали дома. Одна из информанток рассказывает о том, как она «определяла» отношения в семье: «Вот ребенок едет, а бабушка идет в магазин, покупает два килограмма докторской колбасы.

Не ребенку бутербродик дает с собой, а знает, что на весь отряд. И ребенок приходит с колбасой – бабушка купила. И такой вариант был. Да? А был вариант, когда мама дает: вот это тебе, никому не давай! И такой вариант» (интервью № 21, ж., прим. 1947 г.р.).

Таким образом, бытовые условия в трудовых лагерях приобретали новые смыслы. Приготовление, а нередко и потребление самостоятельно приготовленной еды – «этого клейстера из вермишели, который надо обязательно доедать и еще хвалить, чтобы не обидеть поваров» [Казакина, 1967, с. 30] – были одними из трудностей, преодоления которых требовало сил. А преодоление бытовых трудностей и пренебрежение комфортом наряду с успехами в труде на поле становилось свидетельством человеческой состоятельности.

Идеализм предполагал высокую цель, высокая цель предполагала подвиг, подвиг был невозможен без жертвы. Тяжелые бытовые условия начинали осмысляться именно в этом качестве. Преодоление трудностей было необходимо, именно оно легитимировало самоощущение, возникающее у участников лагерей. Если бы этих бытовых трудностей не было, их бы следовало выдумать, поскольку благодаря им повседневность превращалась в осмысленную жизнь, полную борьбы и побед.

Отдых: новая общность в новом пространстве

В труде, в преодолении повседневных трудностей идеализм формировался, однако завершался тот процесс, когда идеализм приобретал особую языковую форму, во время вечернего отдыха, который обычно состоял из диспутов и пения у костра. Воспоминания об этом остались для многих участников одними из самых ярких: «...все (в лагере) понравилось, но, в первую очередь, пронимало, конечно, то, как пели песни, у нас вечерами зажигались костры, все садились около костров, и что-то мы решали» (интервью №11, ж., прим. 1948 г.р.).

Вечерний костер был обязательной частью дня, которую все ждали с нетерпением: «Романтики было очень много, комаров тоже, и еще очень много было песен. Потому что, каждый вечер, каждый вечер, мы собирались у костра» (интервью №2, ж., прим. 1946 г.р.). В конце рабочего дня весь лагерь усаживался вокруг костра, чтобы решить возникшие во время работы споры, обсудить самые разные вопросы и попеть песни, что было очень важно для участников лагеря. Такая форма организации пространства – размещение вокруг костра – была для большинства непривычна (во-первых, далеко не все школьники были в пионерских лагерях, во-вторых, далеко не во всех пионерских лагерях были вечерние костры): «Круг, обязательно был круг. Это – ключевое. Кругом все сидят. Круг вообще потрясающая штука. Мы и они – все вместе» (интервью №13, м., 1947 г.р.).

В этом пространстве проходили «обсуждения судьбы родины» (интервью №3, ж., 1948 г.р.), диспуты на разные темы, которые придумывали сами участники (от «Павка Корчагин – реальный персонаж или миф?» до «Гордость – это предрассудок?»), решались повседневные вопросы жизни лагеря (довольно часто они были связаны с самоуправлением лагеря, например, с выборами на какую-нибудь должность). Эти обсуждения и диспуты, по сегодняшним свидетельствам участников, довольно значительно отличались от тех, что проводились в школе на классных часах или комсомольских собраниях: «...споры были, в общем, по тем временам, резкие. Потому что кто-то говорил, что он (Павка Корчагин) просто сумасшедший – жизнь свою положил неизвестно за что. <...> И никто не одергивал, не цыкал: что ты говоришь? Как тебе не стыдно? Нет! Каждый говорил свое мнение. И, в этом смысле, нас как бы воспитывали. Но вот воспитывали как надо. Потому что нам не говорили, что надо вот так» (интервью №3, ж., 1948 г.р.).

Темы вечерних споров у костра по-настоящему увлекали их участников. То, что никогда не интересовало их в повседневной школьной жизни, становилось важным. Возможно, именно потому, что мнение каждого выслушивалось. Кроме того, само пространство играло большую роль: то, что в школьном классе казалось абстрактным, сухим и чужим, у костра превращалось в свое, увлекательное и живое. Идеологические схемы наполнялись личным смыслом, в таком виде они становились частью языка, который, будучи легитимирован трудовой деятельностью, усваивался школьниками как «настоящий» и «свой».

Однако не менее, а возможно и более важную роль, чем диспуты, играли вечерние песни у костра: «Пели много. Я такого вообще нигде не слышала. Гитар много было» (интервью №7, ж., прим. 1948 г.р.). Песни, судя по интервью, пели самые разные: туристические, эстрадные, французские и, конечно, бардовские. Среди авторов бардовской песни чаще всего сегодня в интервью

вспоминают Б. Окуджаву: "И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной". У нас это чуть ли не гимном было! Официально это гимном, конечно, не было, но для нас это было очень значимо, конечно. <...> Это было для нас то, что мы высказать сами не умели» (интервью №1, ж., прим. 1947 г.р.).

Песни Б. Окуджавы, их интонация для наших информантов выступают в качестве камертона их тогдашней жизни: «У нас (участников лагеря) пафоса было мало. Были настроения окуждавские: "комиссары в пыльных шлемах, склонятся, молча, надо мной" [Окуджава, 1996, с. 7]. То есть интонационно мы были верны своему времени. Это и объединяло людей на самом деле» (интервью №5, ж., прим. 1946 г.р.). На наш вопрос о музыкальных пристрастиях одна из информанток сразу ответила: «Окуджава» (интервью № 11, ж., прим. 1948 г.р.).

Именно окуждавские «Комиссары в пыльных шлемах» стали «символом веры», тем идеалом, с которым отождествляли себя: «...во что мы тогда верили? В хорошего Ленина, в коммунистическую идею, в "комиссаров в пыльных шлемах". Это сейчас, в последние годы – почему "комиссары" склонились? Может, он – беляк? А тогда не было сомнений, что это ты погиб и твои товарищи над тобой склонились» (интервью № 10, м, прим. 1949 г.р.). Само слово «комиссары» было символом настоящего, подлинного. «Требования к коммунару»¹⁷ завершало следующее предложение: «Он будет всегда, везде и во всем ведущим вперед комиссаром». А «комиссарить» – значило работать на совесть: «Тогда у нас это называлось "комиссарить". Это значило, что ты ни как командир, то есть просто начальник, а как комиссар. Ты как бы изнутри, с душой, а не формально. Вот было слово такое. "И комиссары в пыльных шлемах" у нас любили слушать. Слово "комиссары" у нас было овеяно» (интервью № 17, ж., прим. 1949 г.р.).

Официальные лозунги и призывы, попадая в пространство, неприспособленное для бытования идеологического дискурса, изменялись, приобретая у участников обсуждений личный смысл: «По воле партии – по велению сердца». <...> Мы (участники лагеря) были, как бы, "по воле партии, но по велению сердца". И про это сердце спорили, я не знаю, две недели, наверное. <...> Какая-то девочка, не помню ее – старше меня – говорила: сердце для любви, при чем тут партия? Отчасти она была права. Но имелось в виду, что «по воле партии», но в той мере, в какой к тебе это подходит искренне, к сердцу» (интервью №3, ж., 1948 г.р.). Официальные истины становились предметом осмысления и спора. Песни закрепляли обретенные идеалы, создавали ощущение общности. Именно благодаря вечерам у костра, которые были необходимой и неизменной частью пространства летнего трудового лагеря, идеализм приобретал свое языковое и эмоциональное выражение. Диспуты и споры давали возможность выработать свой особый дискурс, а песни становились своего рода эмоциональным камертоном новых идеалистических анклавов.

Заключение

Мы рассмотрели бытовые условия в летних трудовых школьных лагерях начала 60-х гг., а также те дополнительные значения, которые эти условия приобретали для участников этих лагерей. Действия и привычки, раньше незначимые для школьников, стали наполняться особым смыслом: плохое питание и отсутствие привычных бытовых условий начали восприниматься в качестве символа настоящей жизни. Словосочетание «общественно полезный труд», которому большинство школьников относилось с иронией, если вообще задумывались о его значении, приобрело смысл.

Идеологизация повседневности происходила только в том случае, когда работа на колхозных полях была организована так, что осознавалась школьниками как «миссия». Если же работа продолжала восприниматься участниками лагеря как досадная, но неминуемая помеха, то бытовые трудности продолжали осознаваться именно в качестве таковых. Для школьников они как и работа были своего рода платой за возможность иного досуга. По всей видимости, второй вариант был более распространен. Однако и в этом случае, благодаря непривычным («человеческим» – как их сегодня характеризуют в интервью) отношениям, песням (в том числе и не одобряемым райкомовским начальством), спорам участники летних лагерей начинали осознавать себя как общность.

Таким образом, поездка в летний трудовой лагерь была своего рода освобождением школьников от привычной жизни, от привычных связей и окружения – родителей, учителей, школьных пионервожатых и школьных товарищей. Участники летних трудовых лагерей осознавали это. Один из информантов пояснял, что такое сбор: «Лагерный сбор – это отключение от жизни, жизнь на острове. Хотя она не на острове была, но, все равно, отключение от повседневных, во всяком случае, дел» (интервью №12, м., 1947 г.р.). Именно в этом пространстве школьники становились «но-

сителями» идеализма. Благодаря тому, что их труд был осмысленным и необходимым, школьники понимали, что от них зависит благополучие конкретных людей. Благодаря непривычным бытовым условиям и их преодолению они осознали, что настоящий труд и настоящая цель требуют подвига. А вечера у костра помогали создать свой язык и свои символы веры, наполненные новым смыслом.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, "детские тексты", проект № и-01-00-345а».

² О специфике «советского идеализма» см. [Рожанский, 2010б, с. 180–209; 2007, с. 55–70; 2010а, 47–57; 2010в, с. 305–330].

³ О жизненном мире 60-х гг. см. [Вайль, Генис, 1996].

⁴ Эти лагеря проводились не только в Ленинградской области, они не прекратили свое существование и после 1964 года. Однако мы предпочли ограничиться именно ленинградским кейсом, поскольку он был одним из первых и во многом стал «модельным» для других регионов. Что касается дальнейшего существования лагерей такого типа как своего рода анклавов шестидесятнического мировоззрения и их трансформации, связанной с окончанием эпохи «оттепели» и началом «эпохи застоя», то это тема отдельного исследования.

⁵ Теоретические основы метода биографического интервью в историко-социологическом исследовании и примеры его применения в исследованиях советского общества см [Biographical Research..., 2003].

⁶ О специфике биографического нарратива, посвященного советскому детству и юности см. [Димке, 2010б, с. 114–120].

⁷ «Пионерский лагерь является оздоровительным учреждением, организованным для пионеров и школьников на время летних и зимних каникул советами и комитетами профсоюзов» [Директивы и документы..., 1962, с. 209].

⁸ Подробнее об этом законе и его последствиях см. [Димке, 2010а, с. 238–260].

⁹ «Большим делом комсомольцев-школьников была организация летом этого года в колхозах и совхозах Ленинградской области комсомольско-молодежных лагерей» [Стенограмма XVI..., 1963, с. 22(25)].

¹⁰ «В это лето в пионерско-комсомольском лагере было 30 человек...» [Стенограмма семинара..., 1960, с. 23].

¹¹ Вожатыми-шефами называли тех сотрудников предприятия, шествовавшего над школой, которые занимались со школьниками во внеучебное время.

¹² Кировская коммуна – внешкольное объединение старшеклассников Кировского района Ленинграда, возникшее в начале 60-х гг. Несколько лет подряд вместе при поддержке Кировского райкома комсомола организовывала летние трудовые лагеря для старшеклассников. Первый лагерь был организован в 1962 г.

¹³ Фрунзенская коммуна – объединение пионеров-активистов и вожатых Фрунзенского района Ленинграда, появившееся в 1959 г. Первый трудовой летний лагерь был проведен в 1961 г.

¹⁴ См. сцену выгона стада полуживых коров на пастбище в фильме «Председатель» А. Салтыкова (1964).

¹⁵ «Если говорить о том, как мы жили – мы все делали сами. Мы сами готовили, сами ставили эти палатки, сами мыли посуду» (интервью №19, ж., 1947 г.р.).

¹⁶ Название одного из отрядов Фрунзенской коммуны.

¹⁷ Во Фрунзенской коммуне.

Библиографический список

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996.

Димке Д.В. Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950 – начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945–2008): сб. ст. / под ред. Б.М. Фирсова. СПб., 2010а. С. 238–260.

Димке Д.В. Советское детство: Модель для сборки // Седьмые чтения памяти В. Иоффе. Право на имя. Биографика XX в. СПб., 2010б. С. 114–120.

Директивы и документы по вопросам пионерского движения // Положение о пионерских лагерях. М., 1962.

Казакина М.Г. Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности: дисс. ... канд. пед. наук. 1967.

Окуджава Б.Ш. Сентиментальный марш (стихотворение, 1957) // Чаепитие на Арбате. М., 1996.

Рожанский М. Дневник советской девушки // Интер. № 4. 2007.

- Рожанский М.* Между настоящим и реальностью: оптика // *Человек*. 2010а. №5. С. 47–57.
- Рожанский М.* Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов // *Разномыслие в СССР и России (1945 – 2008): сб. материалы науч. конф. / под. общ. ред. Б.М. Фирсова.* СПб., 2010б. С. 180–209.
- Рожанский М.* Эйфория коллективизма // *Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX – начало XX в.): межд. colloquium.* Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. СПб., 2010в. С. 305–330.
- Стенограмма XVI ленинградской городской комсомольской конференции. Общий сектор, 30 ноября 1963 года // Ф. К-881. Оп. 15. Ед. хр. 10.
- Стенограмма семинара секретарей партийных организаций школ, школ-интернатов, детских домов, педагогических училищ Ленинградской области, проведенной в обкоме КПСС, по вопросу «О задачах партийных организаций школ в период перестройки системы народного образования в СССР», 7 января 1960 – 7 января 1960 г. // Ф.-24. Оп. 113. Ед.хр. 122.
- Стенографический отчет Пленума Кировского РК ВЛКСМ г. Ленинграда, 20 октября 1962 г. // Ф. К-4. Оп.11. Ед.хр. 2.
- Стенографический отчет РК ВЛКСМ Фрунзенского района. Стенографический отчет научно-практической конференции «Роль пионерской организации в воспитании активных борцов за коммунизм». Февраль 1968 года. // Ф. К -121. Оп. 15. Ед.хр. 51.
- Турбин В.* Китежане (Из записок русского интеллигента) // *Погружение в трясину (Анатомия застоя) / сост. и общ.ред. Т.А. Ноткина.* М., 1991. С. 349–370.
- Фрунзенская коммуна. М., 1969.
- Шаповаленко С.Г.* Политехническое обучение в советской школе на современном этапе. М. 1958.
- Humphrey R., Miller R., Zdravomyslova E.* Biographical Research in Eastern Europe. Aldershot, 2003.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2013

SUMMER WORK CAMPS FOR PUPILS OF THE EARLY 1960s AS ENCLAVES OF SOVIET IDEALISM

D. V. Dimke

European University at St. Petersburg, 191187, St. Petersburg, Gagarin Street, 3, Russia
ddimke@eu.spb.ru

The soviet project was an ideological one, and the 1960s were its last peak. Pedagogical experiments were a significant part of the Soviet utopia in the 1960s. Summer work camps for senior pupils were one of those experiments. The camps became a peculiar enclave in which 1960s' idealism was reproduced. The author analyses how it was happening, what distinguished summer work camps from usual pioneer camps and what provided the reproduction of the Soviet idealism.

Key words: anthropology of Soviet childhood, sociology of the 1960s, history of the "Thaw", the Soviet idealism, summer camps, education, daily life.

References

- Vayl' P., Genis A.* 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. M., 1996.
- Dimke D.V.* Vozniknovenie raznomysliya v sovetskoy pedagogike kontsa 1950–nachala 1960-kh godov kak rezul'tat izmeneniya sovetskoy zakonodatel'noy sistemy // *Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008): Sb. st. / pod red. B.M. Firsova.* SPb., 2010a. S. 238–260.
- Dimke D.V.* Sovetskoe detstvo: Model' dlya sborki // *Sed'mye chteniya pamyati V. Ioffe. Pravo na imya. Biografika XX v.* SPb., 2010b. S. 114–120.
- Direktivy i dokumenty po voprosam pionerskogo dvizheniya // Polozhenie o pionerskikh lageryakh.* М., 1962.
- Kazakina M.G.* Formirovanie нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности: diss. ... kand. ped. nauk. 1967.
- Okudzhava B.Sh.* Sentimental'nyy marsh (stikhotvorenie, 1957) // *Chaepitie na Arbate.* М., 1996.
- Rozhanskiy M.* Dnevnik sovetskoy devushki // *Inter,* № 4. 2007.
- Rozhanskiy M.* Mezhdru nastoyashchim i real'nost'yu: optika // *Chelovek.* 2010a. №5. S. 47–57.

- Rozhanskiy M.* Raznomyslie v usloviyakh dobrovol'noy nesvobody: pokolenie sovetskikh idealistov // Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945 – 2008): sb. mater. nauch. konf. / pod.obshch. red. B.M. Firsova. SPb., 2010b. S. 180–209.
- Rozhanskiy M.* Eyforiya kollektivizma // Chelovek i lichnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: Rossiya (konets XIX – nachalo XX v.): mezhd. kollokvium. Sankt-Peterburg, 7 – 10 iyunya 2010 g. SPb., 2010v. S. 305–330.
- Stenogramma XVI leningradskoy gorodskoy komsomol'skoy konferentsii. Obshchiy sektor, 30 noyabrya 1963 goda. // F. K-881. Op. 15. Ed.khr. 10.
- Stenogramma seminar sekretarey partiynykh organizatsiy shkol, shkol-internatov, detskikh domov, pedagogicheskikh uchilishch Leningradskoy oblasti, provedennoy v obkome KPSS, po voprosu «O zadachakh partiynykh organizatsiy shkol v period perestroyki sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR», 7 yanvarya 1960 – 7 yanvarya 1960 g. // F.-24. Op. 113. Ed.khr. 122.
- Stenograficheskiy otchet Plenuma Kirovskogo RK VLKSM g. Leningrada, 20 oktyabrya 1962 g. F. K-4. Op.11. Ed.khr. 2.
- Stenograficheskiy otchet RK VLKSM Frunzenskogo rayona. Stenograficheskiy otchet nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rol' pionerskoy organizatsii v vospitanii aktivnykh bortsov za kommunizm». Fevral' 1968 goda. // F. K -121. Op. 15. Ed.khr. 51.
- Turbin V.* Kitezhane (Iz zapisok russkogo intelligenta) // Pogruzhenie v tryasinu (Anatomiya zastoya) / sost. i obshch.red. T.A. Notkina. M., 1991, S. 349–370.
- Frunzenskaya kommuna. M., 1969.
- Shapovalenko S.G.* Politekhnicheskoe obuchenie v sovetskoy shkole na sovremennom etape. M., 1958.
- Humphrey R., Miller R., Zdravomyslova E.* Biographical Research in Eastern Europe. Aldershot, 2003.